

Памяти Протоіерея Васи́лія Григорьевича Сорогожскаго.

30-го сентября 1914-го года въ 5 часовъ 42 минуты вечера отъ паральча сердца скончался на 67-мъ году отъ роду старѣйшій и заслуженнѣйшій протоіерей, законоучитель Неплюевскаго Кадетскаго Корпуса, Васи́лій Григорьевичъ Сорогожскій, представлявшій собою по выработкѣ характера, по твердости своихъ нравственныхъ принциповъ, по строгости своихъ правилъ жизни исключительно высокое нравственное явленіе.

Утромъ 30-го сентября кадеты видѣли его въ классѣ, затѣмъ послѣ уроковъ онъ прослушивалъ чтеніе, а въ 5 часовъ 42 минуты вечера его не стало...

Послѣ него осталась жена Лариса Евфимовна, два сына:

Димитрій, подполковникъ при главномъ артиллерійскомъ Управленіи, состоитъ пріемщикомъ орудій Брянскаго завода, Василій, штабсъ-капитанъ въ отставкѣ, служитъ земскимъ начальникомъ въ Оренбургскомъ уѣздѣ (въ настоящее время, по случаю войны, призванъ въ качествѣ офицера-адъютанта при Начальникѣ дружины), и дочь Марія въ замужествѣ за законоучителемъ Оренбургскаго реального училища священникомъ Владиміромъ Александровичемъ Евфорицкимъ.

Подъ свѣжими впечатлѣніями покойнаго хотѣлось бы записать и сохранить на этихъ страницахъ на добрую память образъ этой симпатичной личности, этой идеально-благородной, глубоко-человѣчной и любящей души, красоты которой не понималъ развѣ только тотъ, кто совершенно не зналъ покойнаго.

Василій Григорьевичъ былъ сыномъ бѣднаго причетника одного изъ сельскихъ приходовъ Тверской епархіи. Родился онъ въ селѣ Евановѣ Вышневолоцкаго у. Тверской г. въ 1847 г. 17 февраля. Дѣтство его, при крайней бѣдности родителей, конечно, не могло быть особенно свѣтлымъ и радостнымъ. Не имѣя средствъ, кромѣ природныхъ способностей, Василій Григорьевичъ съ 10 лѣтъ началъ трудиться и пробивать себѣ дорогу своимъ собственнымъ трудомъ. Въ 1859 году, послѣ домашняго приготовленія, онъ поступилъ въ Вышневолоцкое духовное училище, гдѣ получилъ начальное образованіе. Въ 1863 году онъ перешелъ въ Тверскую семинарію, которую окончилъ въ 1869 году. Непосредственно по окончаніи въ ней курса, Василій Григорьевичъ, по собственному желанію, въ качествѣ волонтера, поступилъ въ С-Петербургскую духовную академію, въ которой продолжалъ образованіе съ 1869 г. по 1873 годъ. Академическіе годы были для него не только годами полученія высшаго образованія, но и годами полученія высшихъ уроковъ терпѣнія. Въ академіи въ теченіе двухъ лѣтъ онъ содержался на свои средства. Изыскивая достаточныя средства для своего бѣднаго существованія, Василій Григорьевичъ конечно, имѣлъ частныя уроки и постороннія занятія. Будучи студентомъ академіи, онъ состоялъ корректоромъ издаваемаго въ то время проф. Н. И. Предтеченскимъ академическаго журнала «Христіанское Чтеніе»,

Но беда одна не ходить... Въ 1869 году умеръ его отецъ, отъ котораго Василій Григорьевичъ получилъ наслѣдство, но только не такое, какъ дѣти обыкновенно получаютъ отъ своихъ родителей. Отецъ оставилъ сыну мать, двухъ братьевъ и одну сестру, которыхъ теперь долженъ былъ призрѣвать сынъ. Это наслѣдство Василій Григорьевичъ съ любовью принялъ и исполнялъ по отношенію къ нему, можно сказать, евангельскія обязанности. Получаемое скромное вознагражденіе за корректуру и ничтожный заработокъ за частные уроки онъ долженъ былъ тратить на себя и на другихъ.

По окончаніи полнаго курса академіи, Василій Григорьевичъ въ 1873 году 4-го Іюня на 26-мъ году своей жизни, определенъ былъ преподавателемъ латинскаго языка въ Симбирскую духовную семинарію

Слѣдуетъ сказать, что на Василіи Григорьевичѣ отпечатлѣлась эпоха первой и второй половины XIX вѣка. И замѣчательно, какъ онъ сумѣлъ усвоить лучшее изъ обѣихъ эпохъ.. Отъ первой онъ усвоилъ строгость и требовательность къ себѣ, а отъ второй мягкость и снисходительность къ другимъ.. Поэтому онъ представлялъ въ себѣ самомъ воспитанника суроваго режима. Насколько онъ былъ дисциплинированъ и насколько онъ дисциплинировалъ самого себя, можно только удивляться. Онъ былъ аккуратенъ и точенъ и всѣ свои обязанности исполнялъ добросовѣстно. Вотъ почему уже при самомъ востуженіи его на службу запасъ его знаній былъ обширнымъ, міровоззрѣніе твердо выработаннымъ, воля непоколебимой и взглядъ на вещи яснымъ. Нужно думать, что назначеніе его въ преподаватели латинскаго языка состоялось не безъ его личнаго согласія, что, конечно, само собой предполагается при тогдашнемъ порядкѣ опредѣленія кандидатовъ академіи на службу. Предметъ свой Василій Григорьевичъ любилъ и зналъ его прекрасно. Латинскій языкъ онъ зналъ настолько хорошо, что онъ переставалъ быть для него мертвымъ языкомъ, а становился живымъ. Прекрасное знаніе латинскаго языка дало ему возможность усовершенствовать свое научное образованіе чтеніемъ въ подлинникахъ множества самыхъ серьезныхъ и рѣдкихъ римскихъ произведеній. Обладая вмѣстѣ съ тѣмъ и прекрасною памятью, Ва-

силій Григорьевичъ безъ затрудненія цитировалъ по подлинникамъ самыхъ разнообразныхъ римскихъ писателей, какъ языческихъ, такъ и христіанскихъ. Не говоря уже о такомъ популярномъ ораторѣ и философѣ, какъ Маркъ Тулій Цицеронъ, Василій Григорьевичъ въ своемъ обыкновенномъ разговорѣ приводилъ выдержки изъ Люція Аннея Сенеки и Марка Теренція Варрона. Василію Григорьевичу хорошо были знакомы и многіе древніе историки напр., Юлій Цезарь, Саллюстій Криспъ, Корнедій Непотъ, Титъ Ливій. Ему были извѣстны многіе поэты римскіе: Лукрецій Каръ, Валерій Катулъ, Вергилій Маронъ, Г. рацій Флаккъ и Овидій Назонъ, которыхъ нѣкоторыя произведенія онъ зналъ наизусть. Изъ христіанскихъ произведеній апологетовъ Василій Григорьевичъ особенно основательно зналъ творенія Минуція Феликса, Тертуллиана. Св. Кипріяна, Арнобія, Лактанція, Дамаса, Св. Амвросія, бл. Иеронима, бл. Августина, Сидонія. Св. Льва Великаго, Св. Григорія Великаго, Григорія Турскаго и мн. др.

Впрочемъ Василію Григорьевичу не пришлось долго заниматься излюбленнымъ предметомъ. Очень можетъ быть, мысль о священствѣ занимала его. Молиться за себя и за другихъ предъ престоломъ Всевышняго, это казалось высокимъ счастьемъ для Василя Григорьевича, какъ это должно представляться и всякому благочестивому человѣку. Промысль Божій указывалъ ему ту область знанія, для которой, казалось, онъ именно и былъ рожденъ. И вотъ, когда въ Симбирской мужской гимназіи открылась должность законоучителя, онъ успѣшилъ воспользоваться представившимся случаемъ. Въ 1875 году 8-го Марта Василій Григорьевичъ былъ рукоположенъ во священника къ Сергіевской церкви при Симбирской гражданской мужской гимназіи и утвержденъ законоучителемъ съ оставленіемъ его въ должности преподавателя семинаріи. Выборъ законоучителя оказался какъ нельзя болѣе удаченъ. Василій Григорьевичъ былъ религіознымъ, набожнымъ человѣкомъ. Его вѣра была живою вѣрою въ живого Бога, столь постоянно близкаго къ человѣку, что это трудно и передать человѣческимъ языкомъ. Это постоянное ощущеніе близости Бога къ человѣку выражается прежде всего въ молитвѣ. Молитва для нѣкоторыхъ пустой звукъ, а для Василя Григорье-

вица она была восторженнымъ гимномъ въ честь Того, Кто такъ близокъ къ намъ, Чье дыханіе слышится въ каждомъ кустицѣ, листкѣ, травкѣ, благоухающемъ цвѣткѣ. Мало была извѣстна міру личная жизнь его. Но тѣ, кто были близкимъ свидѣтелемъ этой тихой жизни, могутъ безъ сомнѣнія, свидѣтельствовать, какою любовью онъ всегда горѣлъ къ храму Божію, и какимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ былъ проникнутъ къ уставамъ св. церкви, какою строгостью нравственныхъ принциповъ отличался онъ во всѣхъ своихъ житейскихъ отношеніяхъ и какой умѣренности и воздержанія онъ былъ въ частной своей жизни. А его любовь къ ближнимъ, готовность помочь нуждающемуся, его безукоризненная честность, внимательность и предупредительность ко всѣмъ, вытекавшіе изъ его глубокаго уваженія къ человѣческой личности, всѣ эти качества въ почившемъ настолько извѣстны всѣмъ, что нѣтъ надобности и говорить о нихъ. И будучи законоучителемъ, Василій Григорьевичъ весьма скоро зарекомендовалъ себя съ самыхъ лучшихъ сторонъ. Соединяя въ себѣ мягкій характеръ съ любящимъ сердцемъ, онъ своимъ ласковымъ обращеніемъ не разъ скрашивалъ жизнь дѣтей-гимназистовъ въ непривычной для нихъ школьной обстановкѣ, не разъ облегчалъ для нихъ горькій корень ученія. Для всѣхъ этихъ питомцевъ образъ ихъ законоучителя навсегда останется нравственнымъ свѣточемъ, опорой для вѣры и добра.

Служба въ Симбирской гимназіи мужской была только переходной стадіей на его жизненномъ пути. Его ожидало другое назначеніе.

Въ 1884 году 6-го августа приказомъ Главнаго Начальника Военноучебныхъ Заведеній Василій Григорьевичъ переведенъ былъ въ Оренбургскій Неплюевскій Кадетскій Корпусъ на должность священника и законоучителя и въ этой должности онъ оставался до самой своей смерти. Съ новымъ назначеніемъ на должность законоучителя Кадетскаго Корпуса предъ нимъ открылось новое широкое поле для сѣянія на нивѣ юныхъ умовъ и сердецъ всего «разумнаго, добраго, вѣчнаго». Въ отношеніи къ своимъ ученикамъ кадетамъ Василій Григорьевичъ былъ скорѣе попечительнымъ отцемъ, чѣмъ просто законоучителемъ. Въ Кадетскомъ Корпусѣ обучаются въ возрастѣ

отъ 9-10 до 16-18 лѣтъ, въ томъ возрастѣ, когда въ юныхъ сердцахъ развивается гѣбра въ жизнь и любовь къ людямъ или, наоборотъ, прорастаютъ сѣмена недовѣрія, зараждается холодъ души, который потомъ на всю жизнь кладетъ свой мертвенный отпечатокъ. Эти сѣмена недовѣрія, этотъ душевный холод могъ идти откуда нибудь изъ,—внѣ, но не изъ школы. Покойный Василій Григорьевичъ зналъ кадетъ всѣхъ. Въ каждомъ изъ нихъ онъ отыскивалъ лучшія нѣжныя струны сердца и старался прикасаться къ нимъ такъ, чтобы возбудить и воспитать въ душѣ кадета сочувствіе ко всему высокому, доброму, честному и благородному. Въ свободные часы онъ приходилъ къ нимъ и велъ съ ними любовно отеческія бесѣды. Онъ рассказывалъ о томъ, что дѣлается въ мѣрѣ. Онъ слушалъ ихъ, наблюдалъ за ними и разбиралъ ихъ недоразумѣнія. Онъ внушалъ кадетамъ почтительность въ отношеніяхъ къ наставникамъ и воспитателямъ, чувства услужливости и взаимопомощи въ товарищескихъ отношеніяхъ, вездѣ и ко всѣмъ любовь. Самъ преподавая Законъ Божій въ обширномъ смыслѣ этого слова, Василій Григорьевичъ училъ кадетъ изученіе его особенно связывать съ молитвою и раскрывалъ имъ, что истиннаго знанія религіи не можетъ быть безъ истинной религіозности. Съ кадетами онъ ходилъ на молитву. Въ храмѣ при богослуженіяхъ онъ былъ всегда скромный, серьезный, благоговѣнный. Богослуженіе всегда совершалъ истово, съ глубокимъ благоговѣніемъ, которое невольно передавалось молящимся вмѣстѣ съ нимъ. И кто знаетъ, можетъ быть его молитвы много облегчали путь жизни вѣрннхъ ему «малыхъ»? Заболѣлъ кадетъ. Кто стоялъ около его больничной койки съ просфоркой съ словами ласки и утѣшенія? Покойный батюшка Василій Григорьевичъ. У кадета умеръ отецъ или мать. Кто принималъ на себя заботу о возможномъ приготовленіи сироты къ выслушанію ужасной вѣсти и смягченіи его скорби? Тотъ же покойный батюшка Василій Григорьевичъ. Могъ ли все это забыть кадетъ? О, нѣтъ, онъ только понималъ всю цѣну этого гораздо позднѣе. А сколько мальцовъ-кадетъ первый же школьный день заканчиваетъ слезами,—безпричинными слезами, которыми плачутъ новички, не смотря на

поддразниванія и смѣхъ старшихъ товарищей? Кто ихъ развеселялъ и развлекалъ отъ грустныхъ вздыханій о родномъ домѣ? Все тотъ же покойный батюшка Василій Григорьевичъ. А кто во время экзаменовъ ободрялъ кадетъ, совѣтовалъ имъ не волноваться, не переутомляться и т. п.? Первый же былъ опять покойный батюшка Василій Григорьевичъ. И всякій, кто испытывалъ это нервно-напряженное состояніе во время экзаменовъ пойметъ, какъ дорого и важно, хотябы одно, только одно слово ободренія, участія. Сердечное и глубокое спасибо не одинъ кадетъ скажетъ и теперь ему, скрасившему зарю юныхъ дней не одной сотни кадетъ.— Какъ законоучитель Василій Григорьевичъ, благодаря удивительной ясности мысли, необыкновенной простотѣ изложенія и замѣчательной чистотѣ и красотѣ языка, былъ прекраснымъ преподавателемъ Закона Божія. Около—сороколѣтнее занятіе Закономъ Божиимъ дало ему возможность не только самому изучить его въ совершенствѣ, но и сдѣлать свои уроки серьезными и увлекательными для слушателей. Постоянное чтеніе Св. Писанія дало возможность Василію Григорьевичу хорошо знать Св. Писаніе не только по буквѣ, но и по духу. Своими познаніями, большими выдержками изъ Св. Писанія на память онъ обыкновенно поражалъ всѣхъ. Особенно онъ любилъ ставить въ отношеніе физическіе факты съ текстомъ Св. Писанія и въ этихъ случаяхъ его серьезность и благоговѣніе, съ которыми онъ читалъ тексты, сами по себѣ производили глубоко-назидательное впечатлѣніе на учениковъ. Живая и простая рѣчь чуждая всякой сухости и мертвой отвлеченности, проникнутая въ то же время серьезностью и важностью и растворенная теплотою души, невольно располагала молодые умы къ искреннему и усердному занятію Закономъ Божиимъ. Если къ этому присоединить тѣ симпатичныя свойства его души, которыя проявлялись въ его отношеніяхъ къ кадетамъ, простоту, мягкость, любовь, деликатность и снисходительность, то понятно, почему онъ въ теченіе всей своей учебной дѣятельности пользовался всеобщою любовью и уваженіемъ со стороны своихъ учениковъ. За некрatkвременный періодъ его служенія въ кадетскомъ корпусѣ предъ его взоромъ про-

шла не одна смѣна поколѣній юности, и мы увѣрены, что доселѣ еще живъ среди его учениковъ его образъ, доселѣ еще его ученики вспоминають о немъ съ глубокою благодарностью, любовью, даже какимъ-то благоговѣіемъ къ его почтенной личности. — А намъ можно только пожалѣть, что не осталось курса Василя Григорьевича. Ясная, свѣтлая, жизне-радостная, гармонически-организованная натура Василя Григорьевича отразилась и въ его чтеніяхъ. Эти чтенія по отзыву одного авторитетнаго лица ученика покойнаго, проникнуты были такимъ свѣтлымъ радостнымъ чувствомъ, такою непритязательною привлекательностью, такой стройностью и простотою, которыя представляютъ собою столь же необыкновенное явленіе въ школахъ, какъ и самъ Василій Григорьевичъ — среди законоучителей.

Собственно учительскія и законоучительскія обязанности, при всей аккуратности, съ какою исполнялъ ихъ Василій Григорьевичъ, не поглощали у него всего времени. Прекрасное знаніе своего предмета давало ему возможность справляться съ ними легко, и у него оставалось немало свободныхъ часовъ, которые онъ проводилъ въ самомъ разнообразномъ трудѣ. Я не смѣю говорить о всѣхъ его трудахъ и работахъ.

Многіе знаютъ ихъ несравненно лучше меня, потому что работали вмѣстѣ съ нимъ на различныхъ поприщахъ. Но думаю, что многое изъ того, что и онъ дѣлалъ, извѣстно только одному Господу Богу и тѣмъ, для кого онъ дѣлалъ. Однако у него было одно дѣло, которому онъ служилъ, дѣло, которое, когда дѣлается аккуратно, всегда имѣетъ скромный и незамѣтный видъ. Это — дѣло проповѣдыванія Слова Божія. Общее число произнесенныхъ Василюемъ Григорьевичемъ рѣчей очень велико, когда онъ около 40 лѣтъ съ церковной кафедрой возвѣщалъ Слово Божіе. Проповѣди Василя Григорьевича имѣли жизненный характеръ и самымъ близкимъ образомъ касались современныхъ событій и животрепещущихъ вопросовъ. Онѣ всегда представляли много интереса и назиданія. Василій Григорьевичъ говорилъ немного и говорилъ медленно, но зато основательно. Печать продуманности и глубокаго убѣжденія лежитъ на его проповѣдяхъ. Какое

наслаждение получали отъ его словъ и поученій, это хорошо извѣстно тому, кому приходилось слушать ихъ. Возвышенность христіанскаго ученія, непостижимость Промысла Божія великое дѣло искупленія человѣчества, Божественность Искушителя,—обо всемъ этомъ онъ говорилъ съ благоговѣніемъ, которое въ соединеніи съ живостью и увлекательностью его рѣчи производило на слушателей неотразимое и неизгладимое впечатлѣніе. Чувствовалось, что его говорилъ человѣкъ много жившій и много испытавшій. Чувствовалось, что его благоговѣніе къ вѣрѣ, любовь къ человѣчеству и ко всему высокому и прекрасному въ мірѣ составляли для него драгоцѣннѣйшее достояніе всей его жизни. И подъ впечатлѣніемъ его убѣжденныхъ рѣчей и въ самихъ слушателяхъ росла и крѣпла преданность къ вѣрѣ и любовь ко всѣмъ.

Кромѣ прямыхъ своихъ учительскихъ и законоучительскихъ обязанностей, Василій Григорьевичъ съ полною добросовѣстностью исполнялъ и многочисленныя другія должности.

Съ 1873 года по 26 ноября 1884 года Василій Григорьевичъ состоялъ членомъ Правленія Симбирской духовной семинаріи. По переходу его въ Оренбургскую епархію, по выборамъ създоваго Епархіальнаго духовенства Василій Григорьевичъ состоялъ членомъ Правленія Оренбургской духовной семинаріи безъ перерыва съ 1888 года до самой смерти.

Какъ членъ Правленія, Василій Григорьевичъ въ отношеніи къ воспитанникамъ былъ очень снисходителенъ. Цѣня только свободныя усилія учащихся, онъ былъ далекъ отъ всякихъ искусственныхъ, понудительныхъ мѣръ отъ всякаго насильственнаго подтягиванія. Подобныя мѣры положительно претили его гуманной, въ высшей степени мягкой натурѣ. Его любовное отношеніе къ ученикамъ, его отвращеніе отъ всякаго рода крутыхъ мѣръ, его постоянная снисходительность, сострадательность, готовность помочь ученику сдѣлали его популярнѣйшей личностью среди воспитанниковъ семинаріи, среди которыхъ онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ «добрѣйшаго старичка». Ласковое обхожденіе Василя Григорьевича съ учениками имѣло для нихъ немалое воспитательное значеніе, и это понимали сами ученики и дорожили имъ. Они всегда были полны чувствъ глубокой признательности и бла-

годарности къ Василию Григорьевичу за его добрыя отноше-
нія къ нимъ.

Предсѣдательство въ экзаменаціонной комисіи могутъ
занимать изъ членовъ Правленія отъ духовенства только тѣ,
которые имѣютъ ученые академическія степени (Уст. пра-
восл. дух. семин. § 131, и 4).

Экзамены, производившіеся подъ его предсѣдательствомъ
были сравнительно непродолжительны, короче другихъ экза-
меновъ въ семинаріи; и вовсе не отличались строгостью и
тяжелымъ характеромъ. Доброжелательный и любящій моло-
дежь предсѣдатель имѣлъ какъ будто главною цѣлю найти
въ экзаменаціонныхъ отвѣтахъ что—нибудь доброе, а не од-
ни только недостатки и недочеты въ знаніяхъ. Эти симпа-
тичныя черты его отношеній къ воспитанникамъ, которыя
отличали его на всѣхъ экзаменахъ, выступали на видъ еще
яснѣе и получали болѣе широкое и благотворное значеніе на
экзаменахъ латинскаго языка. Кстати сказать покойный Ва-
силь Григорьевичъ любилъ бывать у меня на экзаменахъ.

Обычно на экзаменѣ я самъ спрашиваю всѣхъ учениковъ
хорошихъ и плохихъ. Но изъ глубокаго уваженія и полнаго
довѣрія къ «маститому почтенному старцу» такому выдающе-
муся знатоку латинскаго языка, какіе въ настоящее время
встрѣчаются только, какъ исключеніе, я, по его личной прось-
бѣ, предоставлялъ ему спрашивать вполнѣ надежныхъ учени-
ковъ.

На экзаменѣ онъ спрашивалъ ученика довольно ос-
новательно, но нѣкоторые недочеты въ знаніяхъ покрыв-
валъ своею любовью: Когда ученикъ совершенно слу-
чайно отвѣчалъ что—нибудь не такъ, какъ слѣдуетъ, то
Василь Григорьевичъ ему говорилъ:» тише, тише отвѣчайте,
а то Григорій Ивановичъ услышитъ». Вообще нужно сказать
что частные совершенно нерѣдко случайные промахи воспи-
танника, обнаруживавшіеся въ экзаменаціонныхъ отвѣтахъ,
на которые я смотрѣлъ, какъ на точныя данныя при его
оцѣнкѣ, Василь Григорьевичъ принималъ въ расчетъ съ боль-
шою разборчивостью и старался опредѣлить достоинство от-
вѣта ученика главнымъ образомъ со стороны его способности,
развитія и подготовленности къ дальнѣйшему прохожденію
курса. Вотъ почему онъ не придавалъ большого значенія част-

нымъ недочетамъ въ знаніяхъ и случайнымъ промахамъ учениковъ въ экзаменціонныхъ отвѣтахъ. Эту же точку зрѣнія Василий Григорьевичъ старался поддерживать и на Педагогическихъ собраніяхъ. — Въ педагогическихъ собраніяхъ Василий Григорьевичъ держался въ высшей степени деликатно и скромно, не заявляя своего авторитета. Онъ чаще ограничивался только простымъ и краткимъ заявленіемъ своего собственнаго мнѣнія. Но къ его тихому и кроткому голосу прислушивались все члены собранія. И этотъ голосъ исполненный теплой ласки, нѣжнаго дыханія любви, замолкъ теперь.

Съ 8-го мая 1875 года по 6-ое августа 1884 года, по выборамъ Съезда Епархіальнаго духовенства Симбирской епархіи о. Василій Григорьевичъ состоялъ председателемъ Совѣта Епархіальнаго женскаго училища Съ 4-го февраля 1893 года Преосвященнымъ Макаріемъ назначенъ председателемъ Совѣта Оренбургскаго епархіальнаго женскаго училища и состоялъ въ этой должности по 4-е октября 1894 года.

Какъ председатель Епархіальнаго женскаго училища, Василий Григорьевичъ былъ вполне на своемъ мѣстѣ. Высокій авторитетъ, какимъ онъ пользовался между членами Совѣта, отъ души его любившими и уважавшими, давалъ ему сильный между ними голосъ. Стоя во главѣ Епархіальнаго училища, онъ былъ истиннымъ для него патріархомъ: онъ судилъ и рѣдилъ... Его вѣское и правдивое слово для однихъ было мудрымъ совѣтомъ, для другихъ и утѣшеніемъ и ободреніемъ, а для иныхъ и нравственною уздою. Искренность и правота его располагала къ нему и тѣхъ, чьи мысли и чувства иногда не совпадали съ его мыслями и чувствами. Поэтому, члены Совѣта любое общее дѣло готовы были безъ стѣсненія представить даже единоличному его рѣшенію въ полной увѣренности, что все, что рѣшитъ Василий Григорьевичъ, будетъ гуманно и устроится къ общему удовольствію всѣхъ... Но онъ самъ устранился отъ пользованія такимъ вліяніемъ, оказывая всегда самое глубокое уваженіе къ свободѣ мнѣній. Все дѣла Совѣта рѣшались непременно на общихъ собраніяхъ, имѣвшихъ видъ дружескихъ бесѣдъ, чуждыхъ всякой формальности. Дѣла учебнаго характера Василий Григорьевичъ считалъ важнѣйшими дѣлами училища и всегда относился къ нимъ съ величайшею внимательностью.

Съ 1876-го года по 26 августа 1880 года, по приглашенію начальства Симбирской женской гимназіи, Василій Григорьевичъ преподавалъ Законъ Божій съ старшихъ ея классовъ.

Отношенія его къ воспитанницамъ гимназіи отличались необыкновенно симпатичной нѣжностью души и участливой теплою чувства, какъ отношенія отца къ собственнымъ своимъ дочерямъ, и вызывали и въ нихъ общую къ нему любовь. Это были вполне искреннія, почтительно-довѣрчивыя отношенія гимназистокъ къ своему благожелательному, любящему и высоко-нравственному законоучителю. Добросовѣстное и задушевное отношеніе къ дѣлу преподаванія въ женской гимназіи доставалось Василію Григорьевичу, разумѣется, не безъ утомленія его силъ и не безъ стѣсненія для его главныхъ занятій въ мужской гимназіи. Всего онъ прослужилъ въ женской гимназіи 4 года и вышелъ изъ нея лѣтомъ въ августѣ 1880 года. Воспитанницы тѣхъ курсовъ, которыя слушали его уроки, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ съ благодарностью и уваженіемъ вспоминаютъ своего «добраго и милаго Батю», какъ онъ его звали на своемъ жаргонѣ.

Съ 1888 года по 1889 годъ Василій Григорьевичъ былъ организаторомъ комитета по устройству народныхъ и публичныхъ чтеній религіознаго содержанія.

Цѣлый рядъ народныхъ и публичныхъ чтеній происходилъ при живомъ и дѣятельномъ участіи Василія Григорьевича. Говоримъ при живомъ и дѣятельномъ участіи Василія Григорьевича— не потому, конечно, что всѣ чтенія велись въ его личномъ присутствіи, а потому, что ни одно чтеніе не обходилось безъ его личнаго содѣйствія и руководства. Имѣя аналитически-критическій умъ, Василій Григорьевичъ умѣлъ направить ходъ чтеній въ интересное русло современности, не допуская темъ безжизненныхъ или отвлеченныхъ. Обсуждая вопросъ о времени, мѣстѣ, началѣ чтенія, его наилучшемъ устройствѣ, Василій Григорьевичъ открыто и ясно высказывалъ тотъ или иной взглядъ на предложенную тему, насколько не стѣняя, конечно, индивидуальныхъ свойствъ авторства лектора. На собраніяхъ для обсужденія данной темы онъ любилъ предложить присутствовавшимъ нѣсколько историческихъ воспоминаній. И всегда его слова были очень ин-

интересны: онъ точно помнилъ событія, ихъ хронологическія даты и обстановку, при которой они происходили. Нѣтъ нужды говорить о томъ, какую пользу принесли обществу эти религіозно-нравственныя чтенія. Десяткамъ тысячъ людей они помогли разобраться въ путаницѣ современныхъ понятій, запросовъ. Десяткамъ тысячъ людей они дали возможность сохранить свои христіанскіе идеалы.

Лѣтомъ 1888 года, по волю и благословенію Архипастыря, Преосвященнѣйшаго Макарія, Василій Григорьевичъ, въ качествѣ представителя Оренбургской епархіи, былъ командированъ въ Кіевъ на великое и священное торжество празднованія 900-лѣтня юбилея крещенія Руси.

Василій Григорьевичъ всегда вспоминалъ съ удовольствіемъ это дорогое время идейно-прекрасной жизни, полной высочайшихъ стремленій и идей. Свѣтлыя мысли и радостныя чувства, пережитыя Василіемъ Григорьевичемъ, на юбилейномъ торжествѣ, описаны имъ въ небольшой брошюрѣ, извѣстной подъ заглавіемъ: *Поѣздка въ Кіевъ и мое пребываніе тамъ на 900-лѣтнемъ юбилейномъ торжествѣ Крещенія Руси*. О значеніи Кіевского церковнаго торжества, Василій Григорьевичъ пишетъ въ своей брошюрѣ: «это 900-лѣтнее юбилейное торжество всѣхъ насъ православныхъ еще болѣе утвердило въ непреложныхъ истинахъ исповѣдываемой нами вѣры; заблуждающимся же изъ насъ и непокорнымъ голосу православной русской церкви открыло боочію ихъ заблужденія и не покорность... Брошюра заканчивается словами чувства глубокой благодарности, которымъ преисполнено было его сердце: «Благодареніе Богу, что онъ сподобилъ совершиться такому торжеству въ Кіевѣ, и не только въ Кіевѣ, но и во всей россіи. Поистинѣ вѣрю, что это торжество принесетъ въ свое время пользу, откроетъ многимъ свѣтъ и истину и ясно покажетъ, что сила и величіе нашего народа заключалась и заключается именно въ той вѣрѣ, какую принялъ равноапостольный св. Владиміръ. Благодарю и своего іерарха, что онъ далъ мнѣ возможность быть на Кіевскомъ славномъ торжествѣ и, совместно съ представителями другихъ епархій, поклониться общей вѣрѣ намъ Матери—Кіевской церкви и отъ главнаго ея Архипастыря принять благословеніе для Оренбургской епархіи во главѣ съ ея Епископомъ».

Съ 1891 года по 1892 годъ Василій Григорьевичъ состоялъ председателемъ комиссіи по удовлетворенію нуждъ голодающихъ Оренбургской епархіи. Онъ считалъ своею обязанностью помогать нуждавшимся не только изъ средствъ комитета, но и изъ собственныхъ средствъ. Сколько слезъ, горькихъ слезъ онъ отеръ своею нѣжною рукою? Сколько сирыхъ онъ накормилъ? Сколькимъ лишеннымъ всякихъ средствъ въ жизни онъ далъ кусокъ хлѣба? Сколько бѣдныхъ протягивало къ нему свои закорюзавыя руки съ мольбою о помощи? Эти руки никогда не оставались безъ подаенія. О своей благотворительности онъ, конечно, по своей скромности, никому не говорилъ. Въ этомъ отношеніи онъ слѣдовалъ завѣту Самого Господа І. Христа: «Горе вамъ, когда все люди будутъ говорить о васъ хорошо» (Лк. 6, 26). Но объ этой благотворительности мы сообщаемъ со словъ очевидцевъ. Знали-ли покойный Василій Григорьевичъ, что у него были такіе наблюдатели?

Съ 1894 года резолюціей Преосвященнаго Макарія Василій Григорьевичъ назначенъ былъ благочиннымъ домовыхъ церквей гор. Оренбурга и въ этой должности онъ оставался до 4-го сентября 1900 года.

Назначеніе его благочиннымъ, хотя и домовыхъ церквей, было знакомъ особеннаго къ нему уваженія со стороны Владыки, такъ какъ, согласно Высочайшему повелѣнію отъ 25 февраля 1881 года и въ силу 63 ст. Уст. дух. Консисторіи, благочинные назначаются по личному внимательному выбору архіереевъ изъ безпорочныхъ, опытныхъ, усердныхъ и наиболѣе дѣятельныхъ духовныхъ лицъ (Указ. Свят. Синод. 5 апр. 1881 г. № 5)

Въ своихъ отношеніяхъ къ гражданской и особенно къ церковной власти Василій Григорьевичъ, какъ благочинный, ни къ кому не прилаживался, ни къ высшимъ, ни къ низшимъ: лесть и заискиванія были не въ его благородномъ характерѣ и не въ его глубокому чувству самоуваженія. Всѣмъ онъ говорилъ открыто святую правду. Онъ относился съ почтеніемъ и къ тѣмъ, которые скорѣе нуждались въ немъ, чѣмъ онъ въ нихъ. . . Никогда никто изъ подчиненныхъ не слышалъ отъ него, какъ благочиннаго, не только обиднаго слова, но и не замѣчалъ ни повышеннаго голоса, ни недовольнаго жеста, ни укоряющаго

взгляда. По своей благовоспитанности и деликатности, являшагося къ нему по дѣлу онъ никогда не встрѣчалъ строго, грозно и холодно: «Кто вы такой и что вамъ нужно?» Наоборотъ, всѣ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло, встрѣчали со стороны Василя Григорьевича, какъ благочиннаго, добрый привѣтъ, родственное участіе, самое привлекательное ласковое, добродушное отношеніе, которое обычно растворялось мѣткимъ словомъ остраго юмора.

Съ 1884 года по 13 октября 1894 года и съ 4-го сентября 1900 года и по день смерти Василий Григорьевичъ состоялъ членомъ благочинническаго Совѣта.

Думаемъ, что такое высоко-уважительное отношеніе духовенства и Преосвященныхъ Епископовъ въ теченіе почти 25-ти лѣтъ къ почтенному о. Протоіерею—явленіе далеко не заурядное среди духовенства и дѣлаетъ ему высокую честь, умѣвшему заслужить такое внимательное расположеніе, и полное довѣріе.

Такова была многосторонняя непрерывная и продолжительная дѣятельность почившаго Василя Григорьевича на многотрудномъ и общественно-церковномъ поприщѣ. Всю жизнь свою онъ посвятилъ учебно-воспитательному дѣлу. И съ какою любовью, съ какою энергіею относился онъ къ этому дѣлу.

Почти 42-хъ лѣтніе труды покойнаго Василя Григорьевича не оставались безъ должной оцѣнки: онъ былъ удостоенъ всѣхъ доступныхъ для него орденовъ и другихъ знаковъ отличія. Въ 1876 году Василий Григорьевичъ былъ награжденъ набедренникомъ, а въ 1878 г. — бархатной фіолетовой скуфьей. Въ 1881 г. за безмездную службу Епархіальному женскому училищу въ гор. Симбирскѣ онъ былъ награжденъ 400 рублями. Въ 1882 г. онъ былъ награжденъ бархатной фіолетовой камилавкой. Въ 1884 г. за безмездную службу Епархіальному женскому училищу въ качествѣ предсѣдателя Совѣта объявлена была ему благодарность Епископа Симбирскаго. Въ 1886 г. онъ былъ награжденъ наперснымъ крестомъ. Въ 1890 г. Василий Григорьевичъ былъ возведенъ въ санъ протоіерея. Въ 1894 году онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 3-ей степени. Въ 1894 и въ 1898 г. за рев-

ностное преподаваніе Закона Божія кадетамъ было преподаано Архипастырское благословеніе. Въ 1898 г. онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 2-ой степени; въ 1903 г. орденомъ Св. Владимира 4-й степени; 1907 г. — палицею; въ 1910 г. — орденомъ Св. Владимира 3-й степени. Въ 1912 г. онъ былъ причисленъ къ Оренбургскому дворянству. Въ 1913 г. Василій Григорьевичъ былъ награжденъ золотымъ съ драгоценными украшениями наперснымъ крестомъ изъ Кабинета Его Величества. Крімъ того, Василій Григорьевичъ имѣлъ медаль въ память царствованія Императора Александра III и 100-лѣтія отечественной войны и знакъ въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ.

Отрадно отмѣтить, что Василій Григорьевичъ за свою учебно-педагогическую дѣятельность стяжалъ всеобщую любовь, почетъ и уваженіе. Высокоставленные лица писали къ нему письма, исполненные любви и почтенія... Начальство выражало ему свое почтеніе во внѣшнихъ знакахъ вниманія вплоть до генеральской награды, хотя на генерала онъ походилъ очень мало. Но самую лучшую награду дали ему люди посторонніе... Дѣти называли его «дѣдушкой». А взрослые отзывались о немъ: «другого такого добраго батюшки, святаго старичка не найдешь во всемъ Оренбургѣ».

«Дѣдушка», «Добрый батюшка», «Святой старичекъ» — такое названіе подходило, конечно, къ его преклонному возрасту, но оно выражало собою не только это внѣшнее сходство, а вытекало и изъ чистаго уваженія, которое эти люди питали къ нему.

Теперь не стало дѣдушки, добраго батюшки, святаго старичка... Смерть унесла его отъ насъ... Онъ умеръ... Угасла жизнь, полная такой живой любви къ Богу и людямъ. Погасъ свѣтильникъ, всегда свѣтившій свѣтомъ Того, Кто просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ (Іоан. 1, 9). Свѣтъ отъ этого свѣта всю жизнь неугасимо горѣлъ въ сердцѣ покойнаго и освѣщаль и согрѣвалъ всѣхъ приближавшихся къ нему. — Вѣруемъ, что смерть, по Св. Писанію, пріобрѣтеніе для безукоризненной чистой души Василя Григорьевича, но для насъ — оставшихся она тѣмъ не менѣе потеря и тяжкая.

Вспомнимъ хотя въ общихъ чертахъ о послѣднихъ моментахъ жизни Василя Григорьевича.

Здоровье Василя Григорьевича было съ молоду небогато. Правда, онъ всегда велъ правильную и въ высшей степени воздержную жизнь, которая спасала его отъ многихъ болѣзней и способствовала къ поддержанію его силъ и энергіи до почтенныхъ лѣтъ старости. Смерть старшаго сына военнаго врача Леонида Васильевича, вѣроятно, тоже осталась не безъ вліянія на его здоровье. Въ послѣдніе дни болѣзнь уже замѣтнымъ образомъ начала подтачивать слабыя старческія силы Василя Григорьевича. Врачи усиленно боролись съ недугомъ... Но ни тщательный уходъ врачей, ни заботы родныхъ не въ силахъ были предотвратить роковой исходъ. 30-го сентября въ 5 часовъ 42 минуты вечера, идя по лѣстницѣ въ церковь, онъ тихо и мирно отошелъ въ вѣчность. Честною называютъ смерть воина съ оружіемъ въ рукахъ, не честиѣ ли ея смерть пастыря церкви по пути къ церкви?

Вѣсть о смерти Василя Григорьевича съ быстротою молніи облетѣла весь Оренбургъ и у всѣхъ знавшихъ его вызвала чувства самой искренней, неподдѣльной, глубокой скорби. Скорбь эта, вѣрнѣе, отзовется болѣзненнымъ стономъ и во всѣхъ мѣстахъ обширнаго нашего отечества, гдѣ на разныхъ попріщахъ проходятъ жизненное служеніе свое многочисленные его ученики. Словно грозная туча повисла надъ нами... Словно камень тяжелый легъ на наше сердце... Словно ударъ грома поразилъ насъ... Какъ этотъ ударъ отразился на семьѣ Василя Григорьевича, описывать отказываемся. Подобныя трагическія положенія только чувствуются, но не описываются.—

Первую панихиду въ кваргирѣ-покойнаго, какъ только оказалось возможнымъ, въ 9 часовъ вечера, совершил торжественно каѳедральный прот. П. А. Сысуевъ при участіи законоучителя мужской I-ой гимназіи прот. М. Я. Божукова, законоучителя реального училища свящ. В. А. Евфорицкаго, духовника покойнаго свящ. Я. П. Андреева и въ сослуженіи корпуснаго діакона Н. Д. Введенскаго. Послѣ первой панихиды у гроба покойнаго все время непрерывно по-

переменно читали евангеліе діаконъ домовыхъ церквей. На другой день (1-го октября) въ церкви Кадетскаго Корпуса отслужена была прот. Д. А. Александровымъ заупокойная литургія, а послѣ нея панихида въ присутствіи кадетъ и членовъ корпораціи Кадетскаго Корпуса. Въ 12 часовъ дня торжественная панихида отслужена была въ квартирѣ покойнаго. На панихидѣ присутствовали: Директоръ Корпуса, генераль маіоръ Н. А. Пузановъ, Инспекторъ Корпуса, генераль маіоръ Г. А. Жукъ, всѣ ротные командиры, воспитатели, преподаватели и кадеты. Панихиду пѣлъ хоръ Кадетскаго Корпуса. Послѣ этого торжественныя и частныя панихиды почти не прекращались. Квартира покойнаго была открыта и въ нее приходили всѣ, кто желалъ отдать ему послѣдній долгъ. Кадетскій Корпусъ, монахини Успенскаго женскаго монастыря, причты приходскихъ и домовыхъ церквей поочередно смѣнялись у гроба въ молитвѣ за усопшаго. Одну изъ торжественныхъ панихидъ въ присутствіи корпораціи и воспитанниковъ духовной семинаріи, корпораціи Епархіальнаго женскаго училища, во главѣ съ начальницею О. А. Левицкой, и множества народа, служилъ о. Ректоръ семинаріи, І. П. Кречетовичъ, съ семинарскимъ духовенствомъ: преподав. свящ. Н. Д. Левицкимъ, преподав. свящ. И. Д. Федотовымъ и экономомъ свящ. П. М. Кожевниковымъ. Хоръ воспитанниковъ духовной семинаріи, подъ управленіемъ свящ. Г. Д. Добросмыслова, по обычаю прекрасно, мелодично и стройно исполнилъ панихидныя пѣнопѣнія. Выразительное чтеніе, скорбное пѣніе живо и глубоко трогали сердца всѣхъ богомольцевъ, пришедшихъ почтить память почившаго.

Выносъ тѣла покойнаго изъ его квартиры въ Кадетскую церковь назначенъ былъ на 2-ое октября въ 5 часовъ вечера. Къ этому времени въ квартиру почившаго собралось множество народа, насколько это допускали размѣры помѣщенія. Выносъ совершалъ о. Ректоръ семинаріи въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. Гробъ несли на своихъ рукахъ каедр. прот. П. А. Сысуевъ, прот. М. Я. Божуковъ, свящ. В. А. Евфорицкій, свящ. Я. П. Андреевъ, Директоръ и Инспекторъ Корпуса, церковный староста Я. А. Зарыновъ,

воспитатель Корпуса С. К. Чердилели и сынъ покойнаго В. В. Сорогожскій. Во время печальнаго шествія отъ квартиры покойнаго до Корпуса кадеты стояли параднымъ строемъ. Въ прохладномъ воздухѣ звуки печальнаго перезвона на кадетской колокольнѣ сливались съ пѣніемъ «Святый Боже» монастырскаго хора и невольно настраивали душу на грустныя думы.

По внесеніи гроба въ храмъ началось служеніе парастаса, которое совершалъ о. Ректоръ семинаріи при участіи многочисленнаго духовенства домовыхъ и приходскихъ церквей. На парастасѣ, кромѣ сослуживцевъ покойнаго, его питомцевъ, родныхъ и знакомыхъ, присутствовала масса народа. Послѣ 6-ой пѣсни канона прот. М. Я. Божуковъ сказалъ слѣдующую трогательную и глубоко содержательную рѣчь.

Возлюбленные братіе...!

Кто изъ насъ не былъ пораженъ извѣстіемъ о кончинѣ новопреставившагося раба Божія, Протоіеря Василя? Кто этою столь неожиданною кончиною не удостоверился въ истинности словъ псалмопѣвца, что *человѣкъ—яко трава дніе его—яко цвѣтъ селный,—такъ оцвѣтетъ: яко духъ пройде въ немъ, и не будетъ, и не познаетъ ктому мѣста своего* (Псал. 102, 15. 16)?

Кто не содрогнулся при этомъ за себя за своихъ близкихъ? Вѣдь смерть есть удѣлъ всякаго человѣка, она есть неумолимый законъ природы.

И однакожь, несмотря на такую неизбежность смерти, нѣтъ среди насъ человѣка, который бы не скорбѣлъ о томъ, что жертвою смерти содѣялся такъ внезапно незабвенный о. Протоіерей Василій Григорьевичъ...

Но не плакать и скорбѣть надлежитъ при видѣ гроба... *Смерть—покой мужу*, по изреченію многострадальнаго Іова (Іов. 3. 23). Это значитъ, что всякому человѣку смерть служитъ успокоеніемъ: отъ тяжелыхъ трудовъ, на которые обречены мы всѣ, отъ болѣзней и немощей тѣлесныхъ и отъ скорбей, неизбежныхъ въ жизни почти каждаго. А тѣмъ болѣе смерть должна быть *покоемъ* для такого труженика, какимъ былъ предлежащій предъ нами почившій о. Протоіерей.

Что такое жизнь его? Не есть ли это непрерывный рядъ трудовъ и скорбей?...

Сынъ бѣднаго сельскаго клирика онъ еще въ дѣтствѣ испыталъ всю горечь матеріальной необеспеченности. Много лишеній перенесъ онъ и въ годы обученія своего въ духовной школѣ, гдѣ ему приходилось отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ и трудомъ пробивать себѣ дорогу. А извѣстно, что прежняя наша духовная школа хотя и не красна была углами, за то умѣла вручать своимъ питомцевъ къ труду, снабжала ихъ прочными знаніями, укрѣпляла въ нихъ вѣру въ себя, въ свои силы и выпускала ихъ въ жизнь бодрыми духомъ. Среди лишеній нелегкихъ трудовъ въ школѣ закалялся характеръ почившаго, и онъ вышелъ въ жизнь исполненнымъ самыхъ лучшихъ, идеально — благородныхъ стремлений. О лишеніяхъ дѣтства и юности онъ вспоминалъ не только безъ горечи, но даже съ благодушіемъ.

По окончаніи высшаго образованія онъ назначенъ былъ преподавателемъ Симбирской духовной Семинаріи и вмѣстѣ законоучителемъ Симбирской мужской гимназіи, съ принятіемъ священнаго сана. На этихъ должностяхъ онъ вскорѣ приобрѣлъ себѣ заслуженную извѣстность, какъ человѣкъ высокаго ума, большихъ познаній, неустаннаго труда и любвеобильнаго сердца. Много учениковъ за это время прошло черезъ его руки, и всѣ они сохранили самыя добрыя воспоминанія о своемъ дорогомъ и незабвенномъ наставникѣ. 30 лѣтъ тому назадъ онъ перешелъ на службу въ этотъ кадетскій корпусъ и временно преподавалъ Законъ Божій въ нашей гимназіи. Мнѣ судилъ Богъ быть его преемникомъ въ нѣкоторыхъ классахъ гимназіи, и я хорошо знаю, что онъ пользовался большою любовью среди воспитанниковъ. Особенно же много онъ потрудился въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія и обученія военнаго юношества здѣсь въ корпусѣ. Будучи самъ человѣкомъ глубоко и убѣжденно вѣрующимъ, онъ всего себя отдалъ на служеніе дѣлу спасенія *малыхъ силъ*. И это высокое дѣло онъ велъ какъ дѣло Богомъ ему порученное и потому относился къ нему по чистой совѣсти. Его преподаваніе Закона Божія было задушевно просто, назидательно, но требованія отъ учащихся были серь-

езныя и точныя. И какъ учащіеся любили свою «батюшку — законоучителя!» Его слово было для нихъ закономъ, ему съ полнымъ довѣріемъ открывали они свою душу, ему несли свои радости, свои печали и нужды, и его любящая душа всегда готова была откликнуться для нихъ. Да, такіе учителя никогда не забываются!..

Любили почившаго и всѣ его сослуживцы, которыхъ за время его законоучительства смѣнилось немало. Да и какъ было не цѣнить въ немъ его внутренней нравственной красоты, его простоты и безыскусственности въ отношеніяхъ его ко всѣмъ. Не умѣлъ онъ поступаться своими убѣжденіями или, какъ говорится, приспосабливаться къ средѣ и къ различнымъ вѣяніямъ и потому всегда отличался прямою сужденій, если ему приходилось защищать взгляды, которые онъ считалъ правильными. Въ этомъ случаѣ его благородство и тактъ заслужили ему всеобщее уваженіе, и авторитетъ его стоялъ чрезвычайно высоко въ глазахъ всѣхъ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло.

А какъ отзывчивъ былъ почившій къ бѣднымъ! Самъ испытавшій въ дѣтствѣ нужду и лишенія, онъ по мѣрѣ силъ и средствъ своихъ старался помочь всѣмъ обращающимся къ нему. Мы знаемъ, что многимъ своимъ бѣднымъ родственникамъ — сиротамъ онъ далъ возможность получить образование стать на ноги и устроиться въ жизни. Особенно же его сердечность и отзывчивость къ ближнему проявлена была имъ въ широкой степени въ извѣстный голодный годъ въ нашемъ краю (1892). Волею Епархіальнаго Начальства онъ тогда былъ поставленъ во главѣ Комитета для оказанія помощи голодающимъ, и нужно было видѣть, съ какимъ самоотверженіемъ онъ весь отдался святому и великому дѣлу благотворенія! О, сколько бѣднякамъ — осушилъ онъ слезы тогда, какую благодарность заслужилъ онъ отъ всѣхъ своею распорядительностію и безкорыстною готовностію облегчить участь каждаго нуждающагося! Да, почившій былъ пастырь добрый; онъ душу свою влагалъ во всякое порученное ему дѣло.

Испыталъ онъ, по волѣ Божіей, и многія скорби въ жизни: смерть первенца сына, тяжелыя болѣзни дорогихъ сердцу родныхъ и наконецъ участившіеся за послѣдніе годы соб-

ственные недуги — все это удручало его сердце и доставляло ему много душевных тревогъ.

И вотъ сбылось надъ нимъ слово праведнаго: *смерть — покой мужу*. Наступилъ мирный *покой* непробуднаго сна для труженника — пастыря, который былъ для всѣхъ *образомъ въ словѣ, въ житіи, въ любви, въ ащрь, въ чистотѣ* (1 Тим. 4. 12).

Прости мнѣ, незабвенный, мой другъ, землякъ и соратникъ на нивѣ законоучительства, прости, что я дерзнулъ нарушить твой покой своимъ надгробнымъ словомъ. Прими его какъ слабую дань моей искренней любви и благодарности тебѣ за твое доброе отношеніе ко мнѣ. Знаю, что ты ждешь отъ насъ вышей и лучшей дани — молитвы *изъ Божу духовъ и всякія плоти*, молитвы отъ вѣры и любви братской.

Помолимся же бр., о приснопамятномъ рабѣ Божиѣмъ, новопреставленномъ Протоіерѣ Васи́лѣ, да приметъ Господь труды его земные и скорби, какъ жертву за грѣхи его вольные и невольные, неизбѣжные для каждаго и даруетъ ему покой вѣчнаго блаженства въ обителяхъ святыхъ своихъ, *идѣже праведніи упокоются*. Аминь.

И какъ бы откликомъ на эту рѣчь было тихое и нѣжное пѣніе монастырскаго хора. «Со святыми упокой». — Во время парастаса были глубокотрогательные моменты. Такъ, послѣ пѣнія: «Со святыми упокой» о. Ректоръ съ большимъ религіознымъ воодушевленіемъ прочиталъ наизусть икосъ: «Самъ единъ еси безсмертный, сотворивый и создавый челоуѣка». А молитва «Боже духовъ, и всякія плоти, смерть поправый, и діавола упразднивый, и животъ міру твоему даровавый» прочитана была имъ съ глубокимъ пафосомъ, полнымъ захватывающаго драматизма и нервнаго переживанія. Благодаря такому выразительному чтенію, простые слова молитвы: «Ты бо единъ кромѣ грѣха, правда твоя, правда во вѣки, и слово твое истина» сильно подѣйствовали и долго отдавались въ душахъ присутствовавшихъ.

Въ день похоронъ, 3-го октября, заупокойную литургію въ церкви Кадетскаго Корпуса совершалъ о. Ректоръ семинаріи прот. І. П. Кречетовичъ при молитвенномъ участіи прот. В. П. Андреева и священ. В. А. Евфорицкаго и въ сос-

лужениі діаконовъ Н. Введенскаго, И. Подольскихъ и Ѳ. Медвѣдева.

На гробъ почившаго возложено было 8 вѣнковъ.

1) Дорогому сослуживцу и пастырю церкви В. Г. Сорогожскому отъ скорбящихъ сослуживцевъ Оренбургскаго Неплюевскаго Кадетскаго Корпуса.

2) Дорогому преподавателю и духовному Отцу В. Г. Сорогожскому отъ любящихъ кадетъ 1-ой роты О. Н. К. К.

3) Дорогому преподавателю и духовному Отцу В. Г. Сорогожскому отъ любящихъ кадетъ 2-ей роты О. Н. К. К.

4) Дорогому преподавателю и духовному Отцу В. Г. Сорогожскому отъ любящихъ кадетъ 3-ей роты О. Н. К. К.

5) Дорогому и незабвенному Отцу Прот. В. Г. Сорогожскому отъ горячо любящихъ его супруги, дѣтей и внуковъ.

6) Дорогому Дядѣ отъ горячо любящаго племянника и крестника А. И. Рогова.

7) Дорогому духовному Отцу В. Г. Сорогожскому отъ преданной семьи Благовѣщенскихъ.

8) Вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ отъ церковнаго старосты Я. А. Зарывнова.

Особенною торжественностью отличалось отпѣваніе. Воздавая покойному должное, Преосвященнѣйшій Епископъ Меодій самъ совершилъ чинъ отпѣванія (около 11 часовъ утра) въ сослуженіи многочисленнаго сонма духовенства, едва размѣтившагося на пространствѣ отъ архіерейской кафедры до самыхъ царскихъ вратъ. Отпѣваніе открылось слѣдующею вѣдущей рѣчью кафедральнаго прот. П. А. Сысуева:

Дорогой почившій,

О. Протоіерей Василій Григорьевичъ.

Не думали мы, тѣ близкіе, которые по родному горячо и сердечно любили тебя, что такъ неожиданно и скоро будемъ уже провожать тебя въ загробный міръ. Казалось намъ, что вечерній часъ твоей жизни, такъ спокойно и равно свѣтившій окружающимъ, продолжится милостью Божіею не малое время. Но «Господь во власти Коего врата смерти» (Псал. 67, 21) — судилъ иначе..

И вотъ мы послѣдній разъ собралися около тебя, но увы! не для дружеской бесѣды и отдыха отъ своихъ трудовыхъ

дѣлъ, собрались. ., Чтобы помолиться у твоего уже гроба, чтобы оплакать тебя, незабвенный, умилительными церковными надгробными пѣснями; собрались проводить изъ этого храма гдѣ ты тридцать лѣтъ служилъ Господу Богу и предъ Его престоломъ молился о своей юной паствѣ, въ мѣсто вѣчнаго покоя.

Безконечно тяжело переживать смерть близкаго человека и особенно когда она внезапна; тяжело и мнѣ, связанному съ почившимъ узами любви и дружбы, говорить теперь послѣднее прости...

Какъ живой стоитъ предъ нами, дорогой о. Василій Григорьевичъ! Сердце отказывается вѣрить, что мы больше уже не увидимъ его, не будемъ въ общеніи съ нимъ. И это сознаніе тяжелой утраты неутѣшно омрачаетъ мысль нашу, цѣпенить уста...

Въ облегченіи нашей сердечной скорби мы услышимъ въ одномъ изъ надгробныхъ церковныхъ пѣснопѣній голосъ самаго почившаго:

«Почто мене рыдаете лото, о человекы!»

«Почто еще маетесе!»

«Смерть бо есть всѣмъ упокоеніе.»

«Отнюдуже гласъ Іова услышимъ глаголюща:

«Смерть мужу покой есть»

(Тропарь на «блаженныхъ» по 4-мъ евангеліи).

Итакъ, вотъ гдѣ начало нашего утѣшенія въ достигшемъ горѣ. *«Смерть мужу покой»* (Іов. 3, 23 по славян. тексту).

Недлегка жизнь человека на землѣ. Даже среди видимаго успѣха, довольства, счастья она много несетъ съ собой непосильнаго труда, горя, и страданій, среди которыхъ часто не видать покоя. Съ этой точки зрѣнія какой глубокой мудростью проникнуты слова ветхозавѣтнаго праведника: *«Смерть, мужу покой»*.

Дорогой, о Василій Григорьевичъ! Оконченъ Земной твой путь. Отъ ранняго утра до вечера жизни онъ пройденъ былъ съ знаменемъ креста Христова, пройденъ честно, трудолюбиво, съ глубокимъ сознаніемъ высоты пастырскаго долга. Сорокъ одинъ годъ служилъ ты важному дѣлу религіозно нравственнаго обученія и воспитанія учащагося юношества и на

стражѣ этого дѣла, какъ вѣрный приставникъ Христовъ, отдашь ты Господу свой духъ. Ни болѣзнь, ни естественныя немощи твоего преклоннаго возраста, не могли удержать отъ исполненія служебнаго долга, до тѣхъ поръ пока рука смерти не взяла тебя на порогѣ этого храма, куда ты стремился, чтобы совершить службу Покрову Богоматери.

Съ сердечнымъ умиленіемъ сохранимъ мы твой высокій нравственный образъ добраго пастыря. Чтобы охарактеризовать его, намъ вспоминаются слова Спасителя объ одномъ своемъ ученикѣ: *«вотъ подлинно израильянинъ, въ которомъ нѣтъ лукавства»* (Іоан. 1, 47). Душа твоя по истинѣ чужда была тѣни лукавства и хитрости, что такъ рѣдко можно встрѣтить за послѣднее время. Въ отношеніи къ ближнимъ ты всегда былъ кротокъ и благожелателенъ. Любящее сердце билось въ твоей груди къ бѣднымъ и обездоленнымъ жизнью, много сиротъ пригрѣло оно, а любовь и милостыня осушало ихъ горькія слезы. Господь Всемогущій да воздастъ тебѣ за это сторицею!

Окружая гробъ, мы услышимъ сейчасъ въ церковныхъ пѣсняхъ послѣдній завѣтъ дорогого почившаго и послѣднюю его просьбу ко всѣмъ намъ: *«Братіе мои возлюбленніи, и чада и други мой, не забывайте мя, егда поете Господа, но помните и братство, и молитте Бога, да упокоитъ мя съ праведными Господь»* (Икосы по шестой пѣсни Канона).

Братіе сопастыри! Въ лицѣ почившаго незабвеннаго о. Протоіерея мы провожаемъ въ вѣчный покой старѣйшаго своего собрата. Тридцать послѣднихъ лѣтъ онъ трудился на нивѣ Христовой въ ношемъ только городѣ. На ряду съ прямымъ своимъ дѣломъ Законоучителя онъ въ разное время, даже до дне сего, несъ безмездные труда по многимъ епархіальнымъ учрежденіямъ. Да будетъ вѣчная, славная память ему! Да внесется нами имя протоіерея Василя въ церковныя синодики на молитвенную память о немъ!

Къ вамъ сослуживцы и къ вамъ дѣти обращается съ послѣдней просьбой о молитвѣ почившій, вашъ духовный отецъ батюшка. Съ вами и для васъ трудился онъ цѣлыя десятилѣтія; два поколѣнія прошло за это время въ Кадетскомъ Корпусѣ. Цѣлый сонмъ учениковъ благословилъ онъ

молитвой и наставленіемъ на жизненный путь. Помяните и поминайте и вы, дѣти, въ своихъ молитвахъ дорогого батюшку.

И для всѣхъ насъ *концомъ* утѣшенія у этого дорогого гроба да будетъ сердечная молитва о почившемъ, чтобы Господь милосердный, простивъ вольныя и невольныя прегрѣшенія, упокойте его безсмертный духъ въ своихъ свѣтлыхъ обителяхъ.

Во время отлѣванія предъ «С» святыми упокой» краткое надгробное слово сказалъ инспекторъ классовъ епархіальнаго женскаго училища прот. В. П. Андреевъ. Онъ охарактеризовалъ покойнаго, какъ старѣйшаго и заслуженнѣйшаго изъ законоучителей:

«Духовный свѣтильникъ этого храма, благолѣпный совершитель Божіихъ службъ въ немъ и проповѣдникъ слова Божія, такъ много лѣтъ прослужившій здѣсь предъ престоломъ Божиимъ, стая протоіерей Василій во гробѣ предлежитъ.

Долго-долго будетъ памятнымъ для юныхъ душъ учениковъ и для всѣхъ моливенниковъ сего храма свѣтлый образъ его, какъ *пастыря добраго*, заботливаго о врученномъ ему стадѣ.

Сколько-сколько лучшихъ воспоминаній о почившемъ отцѣ духовномъ, о его совѣтахъ и завѣтахъ вынесено изъ этого учебнаго заведенія за время его 30-лѣтняго служенія здѣсь окончившими курсъ ученія въ этомъ учебномъ заведеніи!

Для насъ — законоучителей другихъ учебныхъ заведеній покойный о. протоіерей былъ лучшимъ примѣромъ, въ случаѣ нужды всегда готовымъ подать свой добрый совѣтъ и указаніе. Свѣтлый взоръ, разумное слово его, высокое благородство и привѣтливость съ его стороны всегда такъ привлекали къ нему, когда мы обращались. Глубокая ему благодарность отъ насъ, какъ старѣйшему и заслуженнѣйшему изъ законоучителей. Тяжела печаль для насъ, лишившихся такого законоучителя и сотрудника на Христовой нивѣ. Тяжела особенно печаль для родной семьи его. Да будетъ утѣшеніе наше въ Богѣ.

Вѣруемъ, Господи, что *блаженъ путь, въ онъже идетъ днесь душа* новопреставленнаго о. протоіерей Василя, яко упо-

товася ей мѣсто упокоенія! Молимся и будемъ молиться о вѣчномъ покоѣ усопшаго! Аминь.

Какъ бы отзвукомъ на призывъ проповѣдника помолиться о вѣчномъ покоѣ усопшаго было мощное: «Со святыми упокой, Христе, душу раба твоего». Какъ на литургiи, такъ и на послѣдовавшемъ за ней отпѣванiи присутствовало много народа, котораго не могъ вмѣстить въ себѣ кадетскiй храмъ. Среди публики, пришедшей почтить память умершаго, были его ученики: Директоръ 2 го Оренбургскаго Кадетскаго Корпуса генераль Ахматовъ, Директоръ народныхъ училищъ Оренбургской губерни, С. Г. Сироткинъ и начальники нѣкоторыхъ министерскихъ средне-учебныхъ заведенiй. Кромѣ о. Ректора, служившаго литургию и отпѣванiе, представителемъ отъ духовной семинари, гдѣ покойный въ теченiе 30 лѣтъ безъ перерыва состоялъ членомъ Правленiя, былъ инспекторъ семинари Теофанъ Григорьевичъ Гавриловъ.

Вотъ уже прочитана и разрѣшительная молитва которую прочелъ самъ Предстоятель Оренбургской Церкви, Преосвященнѣйшiй Владыка Меодiй, отдано живыми мертвому послѣднеецѣлованiе, пронеслось заунывно-протяжное «Вѣчная память». Прошло еще нѣсколько минутъ и покойный навсегда оставилъ стѣны того учебнаго заведенiя, въ которомъ онъ прослужилъ болѣе 30 лѣтъ.

Непосредственно послѣ отпѣванiя, окончившагося въ 12 часовъ дня, похоронная процессiя, сопровождаемая сослуживцами покойнаго и его питомцами-кадетами, а также массою народа, двинулась на монастырское кладбище. Процессiя имѣла весьма величественный видъ. Во главѣ ея парами шло почти все духовенство домовыхъ и приходскихъ церквей. Ряды его заканчивались кафедральнымъ протоиереемъ П. А. Сысуевымъ, сопровождавшимъ покойнаго до самой могилы. За духовенствомъ шелъ хоръ монастырскихъ пѣвчихъ, а за нимъ шли кадеты въ полномъ своемъ составѣ, исполняющая духовымъ оркестромъ: Коль славень нашъ Господь въ Сионѣ». За пробомъ двигалась вся масса народа. Звукъ музыки торжественно — трогательно сливался съ пѣнiемъ пѣвчихъ. Не слышно было ни причитанiй ни воплей. Солнце сіяло ярко и своими лучами заливало людей, сосре-

дотоchenно углубившихся въ свою всепоглощающую душу. Шествіе останавливалось (предъ квартирой покойнаго и предъ монастыремъ), чтобы совершить литію. По прибытіи на монастырское кладбище гробъ съ тѣломъ покойнаго понесли на рукахъ къ мѣсту послѣдняго успокоенія. Еще нѣсколько минутъ... и мы навѣки разстанемся съ Василіемъ Григорьевичемъ. Сырая и холодная могила навсегда скроетъ отъ насъ человѣка, котораго мы такъ любили... Вотъ и она... зіяющая страшная, ужасная... рядомъ съ могилой сына покойнаго. Предъ опусканіемъ гроба въ могилу совершена была каедральнымъ прот. П. А. Сысуевымъ послѣдняя краткая литія. Пронеслось по кладбищу послѣднее «Вѣчная память» и гдѣ-то далеко-далеко замерло... Гробъ стали опускать въ могилу. Полетѣли туда комки сырой тяжелой земли, стуча о крышку гроба. Едва-ли кто бросалъ туда землю съ иными чувствами, кромѣ чувствъ искренней любви къ почившему и горячихъ благожеланій на его пути въ иной неземной міръ.

Сосредоточенно выслушивая скорбныя пѣсноиѣнія, многіе, глубоко вздыхая и глѣтая слезы, тихо всхлипывали. Но въ этой тихой, вешумливой скорби было что-то трогательное, глубоко пронизывающее, величавое, неземное... Но нельзя забыть горючихъ слезъ одной простой, бѣдноодѣтой женщины, какими она провожала покойнаго въ загробный міръ. Предъ самымъ опусканіемъ въ зіяющую могилу она упала на землю съ громкимъ воплемъ: «Прощай, дорогой батюшка, свѣтъ родной, кормилецъ мой»... Простыя, но въ высшей степени трогательныя слова женщины, прерванныя плачемъ, производили потрясающее впечатлѣніе.

Въ чувствѣ глубокой скорби, уже въ 3-емъ часу дня, возвращались съ печальныхъ проводъ родные, сослуживцы и знакомые Василя Григорьевича, неразъ повторяя въ своемъ сердцѣ: «Вѣчная память». Василій Григорьевичъ дѣйствительно стяжалъ себѣ вѣчную память. Своею дѣятельностью онъ создалъ себѣ скромный нерукотворный памятникъ въ сердцахъ и къ этому памятнику никогда не заростетъ тропа благодарныхъ воспоминаній. Какой чудный памятникъ — изъ живыхъ людей.

Сли же, дорогой и незабвенный о. Василий Григорьевичъ, тѣмъ мирнымъ и спокойнымъ сномъ, какъ мирна и спокойна была и твоя жизнь.

Г. И. Филипповичъ.

ОРДЕНЪ
ПАРХІА

ВЫХОДЪ

Членству въ обществу

СНАГО

ПРЕДСТАВЛЕНА

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ